

УДК 81'42

ПОЭМА Г. ТУКАЯ «ШУРАЛЕ» И ПОЭМА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» А. С. ПУШКИНА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© Р. М. Хусайнова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел.: +7 (347) 273 69 87.
E-mail: husainovayalaeva59@mail.ru*

Сопоставительный анализ поэм «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина и «Шурале» Г. Тукая с точки зрения функционирования категории фантастического (волшебного) позволил установить, что в обеих поэмах жанровые стратегии сказки проявляются в общности выбора композиции изложения и способов описания места действия. Сделан вывод, что главное сходство в содержании и форме поэм – это высокая оценка авторами творчества народа, великая любовь к языку, восхищение природой родного края.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, влияние, сопоставление, волшебство.

Читая истинно татарские по духу, близкие к народному творчеству произведения Г. Тукая (Габдуллы Мухаммедгарифовича Тукаева), мы порой забываем, что его талант своими корнями глубоко уходит в традиции национальной культуры, продолжая и развивая многовековые идейно-эстетические традиции как восточных, так и европейских литератур. Особенности поэзии Г. Тукая обусловлены прежде всего оригинальностью поэтического видения поэта национальной культуры и увлеченностью русской литературой, которую он прекрасно знал и высоко ценил.

В истории двух народов нет поэтов более возвышенных и гениальных, каждый из которых заставил волноваться общественность своего времени, умы последующих поколений. Пройдут годы, и к ним будут возвращаться все чаще и чаще. Почему? Потому что произведения и А. С. Пушкина и Г. Тукая отражают дух своего народа в глубоком понимании и раскрытии чувств, желаний и чаяний людей.

Если говорить о писателях, которые мало прожив, успели многое создать, то одним из них, несомненно, является А. С. Пушкин, а другим – Г. Тукай. Каждый из них за короткий срок успел сложить и написать десятки тысяч стихотворных строк и столько же прозы, которые находят отклик в сердцах тысяч читателей истинной литературы.

Огромное значение для Г. Тукая имело знакомство с творчеством А. С. Пушкина. Встретившись и подружившись с его поэзией, он уже не расставался с ней всю жизнь. Г. Тукай, по праву, считал себя учеником А. С. Пушкина, он первым из поэтов Востока продолжил его поэтические традиции. Еще на заре своей творческой жизни Г. Тукай не только горячо и с любовью переводил произведения А. С. Пушкина, считая его своим наставником, но и пропагандировал его труды. Влияние А. С. Пушкина и русской поэзии на творчество татарского поэта проявлялось не только в его идеях, но также в форме и композиции произведений.

Для примера сопоставим вводные части поэм великих поэтов. Предметом нашего исследования будут служить поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и поэма Г. Тукая «Шурале».

Поэма – большое стихотворное произведение с повествовательным или лирическим сюжетом. Известно много жанровых разновидностей поэм: героическая, дидактическая, сатирическая, историческая, лирико-драматическая и другие. К одному из видов таких поэм относится и известная поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Начинается она знаменитым вступлением «У Лукоморья дуб зеленый...». Это картина различных сказочных мотивов, дающая ключ к пониманию жанра произведения.

«Руслан и Людмила» – оригинальное произведение, в котором черты волшебной сказки соединяются с признаками романтической поэмы.

В 1828 г. А. С. Пушкин подготовил второе издание поэмы, добавив эпилог и заново написанный знаменитый так называемый «пролог» – формальная часть Песни первой («У Лукоморья дуб зеленый...»), усиливший условно-фольклорную окраску текста.

В поэме «Руслан и Людмила» А. С. Пушкин собрал почти всех героев русских сказок и поселил их в сказочном лукоморье. Нередко читатели, особенно дети, думают, что лукоморье – это географическое название страны. На самом деле это старинное русское слово, являющееся народным географическим термином. В. И. Даль в своем словаре объяснил его как «морской берег», «морская лука». Судьба слова «лукоморье» в русской речи похожа на судьбу сотен слов: оно устарело. Но во многих памятниках русской письменности оно выступает в активной роли. В летописях встречаем его в значении «морской залив, бухта», например, в отрывке из Никоновской летописи, датированном 1096 г.: «Суть горы заидучи к лукоморью, имже высота до небеси». Некоторые источники используют слово в значении «берег вдоль морского залива, излучина»: «Лукомории суть приморския лесистыя местности;

тамошные обитатели живут в них без всяких домов» (это запись 1526 г.) [1, с. 184].

Особый эффект производит употребление А. С. Пушкиным возвышенной лексики. Вместо нейтральных слов «берег», «неизвестный», «долина», «на заре», «воин», «друг за другом», «берет в плен», «тюрьма», «золото», «печалится», употреблены синонимы «брег», «неведомый», «дол», «о заре», «витязь», «чредой», «пленяет», «темница», «злато», «тужит». Приведенные слова – архаизмы – устаревшие слова, вытесненные из живого современного языка синонимами: «чахнет» – «сохнет», «витязь» – «воин» и т.п. Большинство архаизмов, помимо стилистической роли возвышенной лексики, используется для воссоздания исторического колорита эпохи.

Важен для поэмы ее поэтический синтаксис, длина фразы и расположение слов в ней. Дело в том, что первоначально искусство слова существовало не в печатном тексте, а в форме устного рассказа, повествования, песни и т.д.

С интонационно-синтаксическим строем художественной речи связаны также ее ритмическая и темповая организация. Наибольшей мерой ритмичности отличается стихотворная речь. С очень давних пор люди заметили, что слова, сложенные в стройные стихотворные строки, легче запоминаются и оказывают особое воздействие на слушателя. Важно отметить особую рифмовку стиха – четырехстопный ямб, придавший поэме свободное лирическое движение, не стесненное правильным чередованием рифм. Четырехстопный ямб давал возможность свободного передвижения интонаций – от шутки и иронии к мягкому певучему лиризму и героическому пафосу, от литературной полемики к картинам волшебной старины.

Многочисленное (14 раз), но незаметное повторение слова «там» при описании сказочных персонажей и чудес в завязке поэмы внезапно переносит, буквально вырывает слушающего из сказочного мира в мир настоящий и также неожиданно возвращает слушателя обратно. Однако в следующей строке в инверсии привычных слов еще сохраняется импульс волны этого ошеломляющего переноса: «И там я был, и мед я пил» – вместо обычного для сказки «и я там был».

Мерность повтора слова «там», открывающего завораживающие картины Лукоморья, удерживает внимание читателя до самого конца – последней 29-й строки «сказочно-длинного» предложения. Кульминация выделена знаками – многоточием после первой волны, восклицательным знаком в конце второй волны – «Там русский дух...там Русью пахнет!».

Поэма «Руслан и Людмила» – оригинальное произведение, в котором черты волшебной сказки перемежаются с реальными событиями. Сюжет поэмы – сказочный, в нем все дышит молодостью и здоровьем, печальное не печально, а страшное не

страшно, потому что печаль легко превращается в радость, а страшное становится смешным. Авторские отступления, то лирические, то иронические, придают рассказу личностный тон. Автор все время подчеркивает свою роль рассказчика.

По ходу повествования, внутри сюжета, происходит постоянное столкновение сказочного и самого обыденного, фантастического и бытового.

Торжество правды над коварством, злобой и насилием – вот содержание поэмы. «Руслан и Людмила» – сказка, с обычным в сказках резким противопоставлением добрых и злых персонажей и со счастливой развязкой.

Обращаясь к поэме Г. Тукая «Шурале», отметим отражение в ней свойственной татарской поэзии взаимосвязи природы, окружающей среды, национальной культуры и мира отдельного человека. Как известно, творчество Габдуллы Тукая представляет собой синтез разных поэтических традиций, и прежде всего, традиции татарской и древнетюркской поэзии. Поэтому природа во всей полноте и жизненности, как в древних мифах, естественно входит в структуру его поэтического мира. Восхищаясь картинами природы, Г. Тукай как бы признает их реальный характер, не просто как божественных или таинственных явлений, а как явлений реальных, живущих своими, не зависимыми от воли человека или каких-то сверхъестественных сил законами. Но с другой стороны, в пейзажной лирике Г. Тукая отразились романтические тенденции, как и у всех романтиков, изображение природы дано через призму собственного субъективного восприятия, настроения поэта. Картины живой природы в прологе поэмы, сохраняя свое самостоятельное значение, служат фоном для описания последующих событий и для более яркой характеристики главных героев, их чувств и настроения.

Г. Тукай пишет живым, красочным татарским языком, понятным простому человеку. Х. Ярми дает высокую оценку языку поэта, считая поэму «Шурале» одним из известных творений поэта: «Тукайның саф татар телендә язылган иң зур һәм иң кураемле әсәрләреннен берсе» [2, с. 122].

Поэма «Шурале» относится к волшебным сказкам, а сам Шурале – выдуманный автором персонаж, хранитель леса, любящий зло пошутить над одиноким человеком, пришедшим в лес.

Г. Тукай умело сочетает фольклорные традиции повествования со своей манерой письма. Например, если в народной сказке, как правило, действия разворачиваются в далекой, неизвестной или волшебной стране, то у Тукая пространство уточняется: «Нәкъ Казан артында бардыр бер авыл – Кырлай, диләр; жырлаганда, көй өчен, «Тавыклары жырлай», диләр.» [3]. («Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай. Даже куры в том Кырлае петь умеют...Дивный край!» (в переводе С. Липкина) [4]. В дальнейшем и в описании деревни дается подробная информация о месте и времени событий,

что позволяет читателю ярко представить атмосферу татарской деревенской жизни тех лет.

При внимательном прочтении поэмы «Шурале», с первых строк сказки нельзя не обратить внимания на обилие парных слов, представленных в тексте пятью частями речи:

1. существительными: жен – пәриләр, кош – корт, уң – сул, ботак – тармак, ал – арт;
2. наречиями: эз – мэз, рэт – рэт, ире – ире, әкрән – әкрән;
3. прилагательными: кып – кызыл, аллы – гөлле, сап – сары, кап – кара, кәп – кәкере, нәп – нәзек;
4. междометиями: чук –чук, ялт – йолт, кети – кети;
5. числительными: биш – алты.

Данный прием максимально приближает к фольклорному языку. Парные слова увеличивают экспрессивность и стилистическую окрашенность текста, влияя на воображение читателя.

Также интересно употребление поэтом большого количества прилагательных и наречий в превосходной степени, образованных при помощи

усилительной частицы «бик»: бик эссә – очень жарко, бик салкын – очень холодно, бик калын – очень толстый, бик матур – очень красивый. Такой прием часто используется в народных сказках для произведения впечатления, устрашения, передачи восторга или удивления и т.д.

В поэме «Шурале» Г. Тукай возродил жанр литературной сказки, вобрав все самое лучшее из татарского фольклора в сочетании с собственным остроумием, талантом и пронизательностью.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Писатели-сказочники берут в основу своих произведений сказки уже существующие в живых родниках устного народного творчества. Почти в каждой литературной сказке есть мотивы народных сказок. Поэмы А. С. Пушкина и Г. Тукая – яркий пример использования народных сказок.

2. Заслуживают внимания истории создания обеих поэм, информация о сказках, положенных в основу произведений А. С. Пушкина и Г. Тукая.

3. История создания поэм:

поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»	поэма Г. Тукая «Шурале»
<p>а) «У Лукоморья дуб зеленый...». Прототип этого вступления хорошо известен – это сказка о Султане Султановиче и 34 его сыновьях, которая была записана Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском в 1824–1825 г.г.» (Народное образование. 2009 г. №5. С. 138).</p>	<p>«Тукай расспрашивал меня ... какие материалы привезли. Я показал ему сказки. Среди них он рассмотрел мифические сказки о Шурале. Они были у меня в 3-х вариантах. Он сказал, что один из них очень близок к варианту, который сам слышал и знал, и очень обрадовался этому» (Х. Бадигов, ученый-фольклорист, 1907 г. «Слово о Тукае». Казань, 1966. С. 391–392).</p>

4. Рассказчиками в поэмах «Шурале» и «Руслан и Людмила» являются сами поэты, и вот как они о себе говорят: «И там я был, и мед я пил» («Руслан и Людмила») и «Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил» («Шурале»).

Складывается впечатление, что оба рассказчика видели своими глазами те места, которые описывают в прологах поэм, там все родное для обоих авторов.

А. С. Пушкин заканчивает описание Лукоморья с гордостью и любовью словами: «Там русский дух, там Русью пахнет!...»

Г. Тукай приводит следующее описание родного его сердцу леса:

*«Эта сторона лесная вечно в памяти жива.
Бархатистым одеялом расстилается трава.
Он слышит большим аулом? Нет напротив невелик,
А река, народа гордость, – просто маленький родник.
Там ни холода, ни зноя никогда не знал народ:
В свой черед подует ветер, в свой черед и
дождь пойдет.»*

*От малины, земляники все в лесу пестрым-пестро,
Набираешь в миг единый ягод полное ведро.»*

*Часто на траве лежал я и глядел на небеса.
Грозной ратью мне казались беспредельные леса.
Точно воины, стояли сосны, липы и дубы,
Под сосной – щавель и мята, под березою – грибы.
Сколько синих, желтых, красных там цветов
переплелось,
И от них благоуханье в сладком воздухе лилось.
Улетали, прилетали и садились мотыльки,
Будто с ними в спор вступали и мирились лепестки.
Птичий щебет, звонкий лепет раздавались
в тишине
И пронзительным весельем наполняли душу мне».*
[4, с. 376].

Во вступлении к поэме «Шурале» Г. Тукай передает любовь к родному краю.

5. Дух русского и татарского народов, их самобытность и неповторимость выражаются в творчестве, в любви к природе, в труде, в истории народа («Дела давно минувших дней...»).

Основное сходство 2-х поэм – в великой любви к языку и творчеству народа, в словесных образах и красках, здесь воплощено восхищение народом, его разумом, его творческой силой.

Заслуживает внимания тот факт, что в применении к поэме «Шурале» Г. Тукай пишет: «Эту сказку «Шурале» я написал, пользуясь примером поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, обработавших сюжеты народных сказок, рассказываемых народными сказителями» [4, с. 9].

Творчество татарского поэта органически связано с русской литературой. Близость Г. Тукая к А. С. Пушкину, по мнению И. Г. Пехтелева («Тукай и русская литература»), выразилась в понимании глубокого жизненного и художественного значения творчества русского поэта, в конкретных темах, образах и мотивах лирики классика татарской литературы, в переводах и свободном истолковании отдельных произведений А. С. Пушкина, а сравни-

тельный анализ стихотворений двух поэтов позволяет говорить о «близости их творческих позиций в целом» [5, с. 54].

ЛИТЕРАТУРА

1. Слонимский С. Мастерство Пушкина. М.: Гос. издат. худ. лит-ры, 1963. С. 476.
2. Ярми Х. Тукай һәм халык ижфты // Габдулла Тукай: Шагыйрьне – тууына алтмыш ел тулуга багышланган гыйльми сессия материаллары. Казан: Татгосиздат, 1948. 106 б.
3. Габдулла Тукай. Шурәле: әкият- поэма. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2009. 32 бит.
4. Тукай Габдулла. Стихотворения, поэмы и сказки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1986. 415 с.
5. Пехтелев И. Г. Тукай и русская литература. Казань: Татарское книжное издательство, 1996. 120 с.

Поступила в редакцию 22.02.2014 г.

**POEMS “SHURALE” BY G. TUKAI AND “RUSLAN AND LUDMILA”
BY A. S. PUSHKIN: COMPARATIVE ASPECT**

© **R. M. Khusainova**

*Bashkir State University
32 Zaki Validi St., 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (347) 273 69 87.
E-mail: husainovayalaeva59@mail.ru*

The comparative analysis of the introductions to the poems of “Ruslan and Lyudmila” by A. S. Pushkin and “Shurale” by G. Tukay from the point of view of functioning of the categories of “fantasy” and “magic” allowed to conclude that the genre strategies of both fairy-tales are in the relations of the community of choice of the composition of exposition and of the ways of description of the introductions of the poems’ plots. “Ruslan and Ludmila” is written as an epic fairy tale consisting of a dedication, six “songs” or “cantos” and an epilogue, was published in 1820. A. S. Pushkin based his poem on Russian folktales he had heard as a child. In a brief prologue the narrator of the story describes a wonderful place by the sea and makes reference to several other images common in Russian fairy folktales, remarking that: “There’s Russian odour... Russian spirit!”. “Shurale” is a fairy story about a forest devil written in verse by G. Tukai in 1907. This colorful character is also borrowed by Tukai from Tatar folktales. It is concluded that the main similarity in writing the introductions to the both poems is the attitude of authors to people’s creative work (folklore), their great love of mother languages, admiration of the nature of native lands.

Keywords: *the Russian language, the Tatar language, influence, comparison, poem, genre, magic.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Slonimskii S. Masterstvo Pushkina [Mastery of Pushkin]. Moscow: Gos. izdat. khud. lit-ry, 1963. Pp. 476.
2. Yarmi Kh. Gabdulla Tukai: Shagyir'ne – tuuyna altmysh el tuluga bagyshlangan gyil'mi sessiya materiallary. Kazan: Tatgosizdat, 1948.
3. Gabdulla Tukai. Shuräle: әkiyat- poema [Shurala: Fairy Tale Poem]. Kazan: Tatarstan kitap nәshriyaty, 2009.
4. Tukai Gabdulla. Stikhotvoreniya, poemy i skazki [Poetry, Poems and Tales]. Kazan': Tatarskoe kn. izd-vo, 1986.
5. Pekhtelev I. G. Tukai i russkaya literature [Tuqay and Russian Literature]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1996.

Received 22.02.2013.